

ДРУГИЕ
БЕРЕГА
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
И КУЛЬТУРЫ:

ИДЕИ, ПОЭТИКА,
КОНТЕКСТЫ

ДРУГИЕ БЕРЕГА

РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
И КУЛЬТУРЫ:

ИДЕИ, ПОЭТИКА,
КОНТЕКСТЫ

TAMTE BRZEGI

LITERATURY
I KULTURY
ROSYJSKIEJ:

IDEE, POETYKA,
KONTEKSTY

Praca zbiorowa pod redakcją
Elżbiety Tyszkowskiej-Kasprzak,
Ilony Motejunajte
i Alfii Smirnowej
przy współpracy Marii Giej

Wrocław–Kraków 2021

ДРУГИЕ БЕРЕГА

РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
И КУЛЬТУРЫ:

ИДЕИ, ПОЭТИКА,
КОНТЕКСТЫ

Коллективная монография
под редакцией
Эльжбеты Тышковской-Каспшак,
Илоны Мотеюнайте
и Альфии Смирновой
при участии Марии Гей

Вроцлав — Краков 2021

Recenzenci

Anton Diomin (Rosja), Josef Dohnal (Czechy)
Andrzej Dudek (Polska), Swietłana Gonczarowa-Grabowska (Rosja)
Marija Jelisiejewa (Rosja), Siergiej Kałasznikow (Rosja)
Aurelia Kotkiewicz (Polska), Natalia Koznowa (Rosja)
Diana Obolenska (Polska), Galina Romanowa (Rosja)
Monika Sidor (Polska), Eleonora Szafranskaja (Rosja)
Galina Szpilewaja (Rosja), Anna Woźniak (Polska)
Aleksandra Zywert (Polska)

Korekta i adiustacja
Janusz Świeży

Projekt okładki
Ilja Siomin

Układ graficzny i dtp
Tomasz Sekunda

© Copyright by Wydział Filologiczny UW, 2021
© Wydawnictwo «scriptum», 2021

Publikacja dofinansowana przez
Wydział Filologiczny Uniwersytetu Wrocławskiego

Wydanie I

ISBN 978-83-66812-37-6

Wydawnictwo «scriptum»
Tomasz Sekunda
tel. 604 532 898

e-mail: scriptum@wydawnictwoscriptum.pl

www.wydawnictwoscriptum.pl

Druk
Poligrafia Salezjańska, Kraków

ДРУГИЕ БЕРЕГА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ:

идеи, поэтика, контексты

Коллективная монография под ред.

Э. Тышковской-Каспшак, И. В. Мотеюнайте и А. И. Смирновой при участии М. Гей
Вроцлав — Краков 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
-------------------	---

ИСТОРИЯ ЭМИГРАЦИИ

Ирина Беляева

Дорога из России в Европу: к вопросу об эмиграции Александра Герцена	13
--	----

Изабелла Малей

Преданная самой себе: Зинаида Серебрякова в эмиграции	27
---	----

Майя Полехина

Надежда Тэффи и Марина Цветаева: история одной «невстречи»	39
--	----

Майя Бабичева

Советский? Антисоветский? Русский! (Родион Акульшин/Берёзов — писатель второй волны русской эмиграции)	57
--	----

Беата Павлетко

Уроки памяти. О творчестве Елены Макаровой	69
--	----

Альфия Смирнова

Труд Глеба Струве <i>Русская литература в изгнании</i> как опыт системного изучения культуры русского зарубежья	81
---	----

Елена Олесина, Ольга Стукалова

Культурологические исследования Дануше Кшицовой о русском искусстве в образовательном процессе Российского педагогического университета 93

ИДЕИ И ПОЛЕМИКИ ЭМИГРАЦИИ**Лариса Щёлокова**

Мотив гибели Руси в публицистике Ивана Бунина 109

Ирина Тарасова

«Отчего я эмигрант?»: стратегии неприятия советской действительности в мемуарной прозе Георгия Иванова 117

Ивона Крыцка-Михновска

Об эмигрантской (не)свободе: из полемики Зинаиды Гиппиус с Павлом Милюковым 129

Сергей Васильев

Восприятие творчества Михаила Шолохова русской эмиграцией (на материале *Шолоховской энциклопедии*) 143

Елена Токарева, Ольга Малышева

Антропософские идеи в эмигрантском творчестве Михаила Чехова ... 151

Юлия Дмитриева

Леонид Андреев в эмиграции (идейное содержание статей S.O.S. и *Их приход*) 165

Анастасия Черепанова

Культурно-семиотическая направленность научных взглядов Романа Якобсона 175

Юлия Павельева

«Казненные молчанием»: поэты оставленной родины в оценке поэта ДР 185

Владимир Самсонов

Образ поляка-эмигранта в эмигрантском романе Эдуарда Лимонова *Палач*: стереотип о самом себе? 197

Уршуля Церняк

«Вечно недовольный злопахатель» или опасный «экстремист»: расплата Владимира Буковского с советским человеком 211

Борис Ланин

Евреи и антисемиты Фридриха Горенштейна 223

Александр Житенёв

«Новое» и «поэтическое» в оценке журнала «А–Я» 235

ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРЫ ЗАРУБЕЖЬЯ**Нина Осипова**

Поэтика музыкальных форм в лирике русского зарубежья 247

Александра Гребенщикова

Визуальная поэтика в романе Бориса Поплавского

Аполлон Безобразов 265**Анна Латухина**

Исповедальные мотивы в эмигрантской лирике Ивана Бунина 279

Елена Дзюба

«Декабристский» дискурс в литературе русского зарубежья

(Михаил Цетлин) 287

Марчин Зёмек

Философские романы Федора Степуна 299

Виктория Захарова

Малая проза Надежды Городецкой: своеобразие жанровой поэтики .. 311

Елена Янчук

Мотив земли в творчестве Марины Цветаевой 321

Ивона Анна Ндяй

Образ собаки в языковой картине мира Надежды Тэффи

(на материале эмигрантской прозы) 337

Ольга Крюкова

Языковые средства воплощения иронического модуса в повести

Сергея Довлатова *Заповедник* 353**Эльжбета Тышковска-Каспшак**Искусство портрета: *Не только Бродский* Марианны Волковой

и Сергея Довлатова 363

Анна Скотницка

Мотив Тристана и Изольды в романе Михаила Шишкина
Венерин волос. Постановка вопроса 379

Людмила Шевченко

Судьба и случай в трилогии Дины Рубиной *Наполеонов обоз*
 (Дина Рубина и Марк Алданов) 393

ГЕТЕРОТОПИИ В ЛИТЕРАТУРЕ ЭМИГРАЦИИ**Елена Шкапа**

Неопубликованные рассказы Николая Фирсова как зеркало новой
 объединенной Италии 415

Антони Бортновски

Образ родного города в творчестве Виктора Некрасова
 (на материале *Записок зеваки*) 427

Илона Мотеюнайте

Идея дома в романе Елены Катишонок *Когда уходит человек* 439

Иоанна Новаковска-Оздоба

Иерусалим эмигрантов в романе Дины Рубиной
Вот идет Мессия!.. 449

Александр Распопов

«Нью-йоркский текст» в пространстве русской литературы
 (на материале романа Александра Стесина *Нью-йоркский обход*) 459

Сведения об авторах 475

ДРУГИЕ БЕРЕГА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ:

идеи, поэтика, контексты

Коллективная монография под ред.

Э. Тышковской-Каспшак, И. В. Мотеюнайте и А. И. Смирновой при участии М. Гей
Вроцлав — Краков 2021

Елена Шкапа

Россия, НИУ Высшая школа экономики, Москва

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РАССКАЗЫ НИКОЛАЯ ФИРСОВА КАК ЗЕРКАЛО НОВОЙ ОБЪЕДИНЕННОЙ ИТАЛИИ

Литература путешествий имеет в России большую историю. Безусловно, травелог включает в себя разнородные и отличающиеся друг от друга жанры, такие как мемуары, путеводители, паломнические хождения, путевые дневники и т. д. В современном литературоведении на данный момент нет четкого определения термина¹,

[...] определение «travel literature» неоднозначно и вызывает многие трудности. С одной стороны, исследователи в целом согласны, что литература путешествий — это особая литературная форма (часто при этом все же употребляется слово «жанр»), существующая давно, трансформирующаяся во времени, но сохраняющая цельность. С другой стороны, неоднократно указывалось, что литература путешествий разнородна, объединена скорее тематически, нежели структурно, и потому не соответствует традиционным представлениям о литературном жанре².

¹ А. А. Майга, *Литературный травелог: специфика жанра*, «Филология и культура» 2014, № 3, с. 254–258.

² Е. Ф. Пономарев, *Типология советского путешествия: «Путешествие на запад» в русской литературе 1920–1930-х годов*, Санкт-Петербург 2014, с. 10.

Одной из наиболее важных метажанровых характеристик столь разнородных по своей природе произведений является описание некоего маршрута, перемещения в пространстве и субъективное к нему отношение героя.

Интерес к этой группе текстов как к единому явлению в истории литературы переживает подъем³. Обращаются к этой теме не только ученые-филологи, но и историки, антропологи, этнографы и т. д., расширяется и география охватываемых произведений, чьи герои отправляются в реальное или выдуманное путешествие не только в Европу, но и в Азию, Африку и Америку.

Что же касается влечения русских к Европе, то стоит отметить в качестве отправной точки XVIII век, а именно время Петра I. В XIX веке жанр получает распространение в творчестве Александра Сеергеевича Пушкина⁴, Федора Михайловича Достоевского⁵ и других русских писателей. Жанр смог зарекомендовать себя как легко адаптирующийся к новым внутренним и внешним обстоятельствам. Безусловно, в силу своей жанровой природы, тексты, принадлежащие к этой традиции, не могут не отражать глобальные исторические и политические изменения в Европе XIX века. Более того, именно в XIX веке жанр травелога проявил свой скрытый потенциал, а именно: мог основываться на документальной или фикциональной основе, проявлять черты публицистических жанров, иметь идеологическую направленность и т. п.

Одной из самых популярных стран у русских путешественников XIX века была, конечно, Италия. Она была местом паломничества благодаря своей истории, культурному наследию, ее пейзажи часто становятся центральной темой картин русских художников; Италия стала чем-то вроде Земли Обетованной. Как отмечают Александр Соболев и Роман Тименчик, в 1880–90-е годы «по мере удешевления заграничных поездок существенную долю среди экскурсантов заняли лица, не знавшие языков и не обладавшие достаточными средствами, чтобы пользоваться услугами по-

³ *Русский травелог XVII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография*, под ред. Т. И. Печерской, Н. В. Константиновой, Новосибирск 2016.

⁴ См., напр.: А. С. Пушкин, *Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года* (1829–1835).

⁵ См., напр.: Ф. М. Достоевский, *Зимние заметки о летних путешествиях* (1863).

стоянного русскоговорящего проводника»⁶. В связи с последним обстоятельством особый спрос был на путеводители и разговорники⁷. Однако, как верно замечает Иван Михайлович Гревс, среди большого количества оригинальных и переводных путеводителей (которые имели сугубо практическое применение) не хватало сочинений, свободных от набора штампов и стереотипов, отличающихся более серьезным подходом:

Литература путешествий — огромная; но мало можно назвать среди книг, статей и брошюр, из которых она составляется, таких сочинений, которые могли бы служить надежными идейными путеводителями для странника, ищущего серьезного образования. Надобно выработать такие руководства и в них попутно указывать то, что находится подходящего и ценного в числе имеющихся описаний. «Очерки», из которых здесь дается ряд отрывков, должны служить опытом подобного рода научных руководящих пособий при изучении памятников исторической и художественной старины⁸.

Вершиной развития этого жанра по праву считаются *Образы Италии* Павла Павловича Муратова, к написанию которых автор обращается после путешествия в Италию в 1908 году. Представленные образы не ограничиваются классическими местами, в частности, именно благодаря этой книге многие читатели впервые познакомились с Умбрией и другими альтернативными маршрутами. Кроме того, автор предлагает новые интерпретации знаковых мест через ключевые образы культуры. Так, например, Тоскана предстает через призму творчества Данте Алигьери. Среди восторженных суждений выделяется оценка Александра Блока, который в письме Павлу Сергеевичу Сухотину от 1 апреля 1914 года писал о том, как много значила для него эта книга:

Передайте, пожалуйста, Павлу Павловичу Муратову мой поклон и мое искреннее уважение. По Италии я ездил в 1909 г., скоро после него, и местами находил его следы в виде надписей в книгах при музеях и церквях. С тех пор как-то часто я вспоминал его, не будучи знакомым, и время выхода его книг, особенно *Образов Италии* для меня памятно⁹.

⁶ *Венеция в русской поэзии. Опыт антологии. 1888–1972*, сост. А. Л. Соболев, Р. Д. Тищенко, Москва 2019, с. 56.

⁷ Напр., Л. Г. Жданов, *Русский в Италии*, Москва 1900.

⁸ И. М. Гревс, *Научные прогулки по историческим центрам Италии*, «Научное слово» 1903, № 3, с. 53.

⁹ А. А. Блок, *Письмо П. С. Сухотину*, [в:] его же, *Собрание сочинений*, т. 8, Москва — Ленинград 1963, с. 437.

К литературе путешествий стоит относить многое из творчества беллетриста, мемуариста, журналиста и переводчика Николая Николаевича Фирсова (1839 – после 1910). С его творчеством современный читатель почти не знаком. В отечественном литературоведении имеются скудные, нерегулярные упоминания о нем. Однако познакомившись с неопубликованными рукописями Фирсова, становится очевидным тот факт, что он так же, как Гревс, позже Муратов и другие, почувствовал необходимость в написании и издании новой книги для более требовательных читателей, целью которой было бы открытие «новой Италии», лишенной многочисленных клише. Таким образом, новизна нашего исследования, кроме прочего, обусловлена выбором материала, который еще не попал в поле зрения литературоведов.

Первый раз Н. Н. Фирсов отправляется в Италию в 1862 году, с 1873-го писатель, получив назначение комиссаром русского отдела в Лондоне, «большею частью жил за границей». Сначала — потому, что «[...] там больше спорилось беллетристическое писательство»¹⁰. С 1880-х годов все более частыми становятся поездки в Италию. Николай Николаевич интересовался историей Италии, процессом ее объединения, занимался исследованием взаимоотношений северных и южных народов после объединения итальянского государства, изучал особенности крестьянского быта и т. д. Вскоре Фирсов переезжает в Италию. С этим периодом его биографии совпадает приглашение принять участие в «Отечественных записках», поступившее ему со стороны Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина¹¹. В этом журнале, вплоть до самого закрытия в 1884 году, Фирсов публикует очерки, фельетоны, роман, в которых, безусловно, нашел отражение его «итальянский» опыт. В «Отечественных записках» публикуются принадлежащие ему переводы произведений Джованни Верги, Луиджи Капуаны и др. Справедливости ради необходимо отметить, что в большой степени именно благодаря Николаю Николаевичу Фирсову и Михаилу Михайловичу Иванову¹² русскому читателю становится известна итальянская беллетристика того времени, и до сих пор почти все произведения писателей-веристов (и не только) конца XIX – начала XX веков выходят в их переводе.

¹⁰ РО ИРЛИ, Ф. 377, оп. 7, ед. хр. 3705, с. 13.

¹¹ РО ИРЛИ, Ф. 377, оп. 7, ед. хр. 3705, с. 14.

¹² См.: М. М. Иванов, *Очерки современной итальянской литературы*, Санкт-Петербург 1902.

В начале XX века Фирсов планировал издать книгу под названием *Рассказы об Италии*, в которую вошли бы рассказы, очерки о регионах новой объединенной Италии, от юга до севера, но задуманный сборник так и не увидел свет. Однако в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) хранятся черновые рукописи, объединенные этим названием. *Рассказы об Италии* Фирсова — это серия «путевых впечатлений» в трех частях, тематика которых понятна уже по названию. Все повествование логически выстроено: структура очерка соответствует географическому маршруту с юга на север Италии. Читая очерки Фирсова, мы встречаем большое количество информации: автор описывает как климатические условия жизни в этой далекой стране, так и традиции, местные легенды, а также перемены в обществе после объединения Италии. Вероятнее всего, именно новая страна, ее жизнь после 1861 года были основной идеей Фирсова (присоединение региона Венето состоялось позже, в 1866 году, а области Лацио и Рима — в 1870-м). В *Рассказах об Италии* упоминается большое количество мест, лиц и событий настоящего и прошлого, детально описывается пейзаж, интерьеры, даются оценочные характеристики автора. Фирсов предстает не только как путешественник, открывающий с новой стороны Италию и ее города, но и как интересный рассказчик. Читатель вместе с автором путешествует от Палермо к Риму, от Римской Кампаньи (низменных окрестностей Рима в регионе Лацио) до Тосканской Мареммы (болот) и Флоренции, затем посещает Геную и Пьемонт и, наконец, попадает в сказочную Венецию.

Русские путешественники XIX–XX веков, посещавшие Италию, традиционно ехали с севера на юг страны. Дело в том, что из Москвы, Санкт-Петербурга или из Южной России наиболее популярным маршрутом был путь в Венецию через Варшаву. Прибыв в Италию, путешественники по пути в Рим посещали обычно города регионов Венето (Венеция, Падуя) и Тоскана (Флоренция, Пиза). Автор *Рассказов об Италии* предлагает читателю проделать вместе с ним путь в обратном, не столь традиционном направлении. Вместе с тем, если в других историях итальянских путешествий повседневная жизнь реальных людей теряется на фоне величественных древних руин и грандиозных памятников культуры и искусства, то в очерках Фирсова зарисовки из реальной жизни современной Италии выходят на первый план, перед глазами читателя

предстает *другая Италия*. Представляется весьма вероятным, что такой вектор маршрута был выбран как дань уважения Джузеппе Гарибальди, с которым Фирсов имел личное знакомство в Риме¹³: кампания¹⁴ самого известного итальянского революционера и героя процесса объединения Италии начинается на юге Апеннинского полуострова с присоединения Королевства обеих Сицилий.

Приведем некоторые извлечения и историко-литературные комментарии из неопубликованных *Рассказов об Италии* Н. Н. Фирсова.

Основным стилистическим приемом писателя являются фрагменты-пейзажи, посредством которых автор передает свое представление о месте, часто сопровождая авторским комментарием:

Мы едем из Рима во Флоренцию по железной дороге. Расстояние между ними около 300 верст. Всю первую половину пути мы проезжаем невдалеке от моря, белая полоса которого виднеется далеко на запад. Сначала мы едем по Римской Кампанье, большею частью пустынной. Это обширная равнина, кое-где прорезанная холмами и плоскими возвышенностями. Местность большею частью пустынная. Кое-где поднимаются древние развалины¹⁵.

Во второй половине XIX века поезд становится основным средством передвижения и символом прогресса, объединения стран, территорий, города и деревни. Однако Верга в предисловии к роману *Семья Малаволлы* (первое произведение из цикла *Побежденные*) описывает прогресс как неудержимый поток, который проходит, согласно дарвиновской теории, через тяжелую борьбу в процессе отбора людей. Подчинившись стремительному движению поезда, путешественник может не заметить все негативные последствия, которые тот несет с собой. Таким образом, Верга утверждает позитивность прогресса в том виде, в каком он был сформулирован позитивистской культурой и социальным дарвинизмом, но в то же время он не может не остановиться на влиянии, которое прогресс оказывает на жизнь самых слабых и незащищенных, тех самых «побежденных». Однако у Фирсова поезд совсем не кажется чудовищем, одновременно прекрасным и ужасным. Русский писатель стремится

¹³ РО ИРЛИ, Ф. 377, оп. 7, ед. хр. 3705, с. 8.

¹⁴ Экспедиция Тысячи (итал. *Spedizione dei Mille*).

¹⁵ Л. Рускин [псевдоним Фирсова Николая Николаевича], *Рассказы об Италии*, ч. 3: *Тоскана и Северная Италия*, РГАЛИ, Ф. 122, оп. 2, ед. хр. 133, л. 1.

к предельной объективизации пейзажа, не останавливаясь на взаимосвязи *прогресс — жизнь бедняков*.

Тем не менее, следуя законам веризма, Фирсов описывает местное крестьянское население, которое, несмотря на заверения политиков эпохи Рисорджименто, не стало жить лучше. Он описывает то редкое местное население, оставшееся здесь по нужде, а также крестьян, которых заставили перебраться в область Понтийских болот¹⁶:

[...] встречаем тут верхом более или менее мирных [...] жителей, большею частью пастухов, верхами завернутых в плащи толстого бурого сукна, в шапках с огромными полями с конической тульей, с пиками длиннее наших казацких, нам кажется, что давно прошедшее, кровавое, воинственное, жестокое прошлое еще не миновало, а только как будто притаилось¹⁷.

Очень многие местные жители здесь умирают от злокачественной болотной лихорадки, а их жилища «[...] грубо сложены из твердого дикого камня. Они скорее походят на крупные обломки утесов, чем на жилище человека»¹⁸. Упоминание болезни, которая может сразить почти любого местного жителя, малярии, тоже неслучайно. Это отсылка к другому произведению Дж. Верги, чей перевод на русский язык также принадлежит Фирсову.

Древний замок Римской Кампаньи Фирсов удостаивает эпитетом «угрюмый»: «Вот внушительные обломки угрюмого¹⁹ средневекового замка. Вот полуразрушенная башня»²⁰. В целом Римская Кампанья представляет собой довольно тоскливую картину. Не забывает писатель упомянуть и о разбойничестве²¹, которое было распространенным явлением в Королевстве Двух Сицилий в 1860–1870-х годах как реакция на присоединение к Италии, по сути, аннексию. Как отмечает Фирсов, «разбойничество еще не совсем прекратилось даже под самыми стенами Рима»²².

По мере продвижения на север болот становится все меньше, «болотистый характер местности постепенно смягчается»²³, природа и люди

¹⁶ Agro Pontino (итал.).

¹⁷ Л. Рускин, *Рассказы об Италии...*, л. 1.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Здесь и далее выделено жирным шрифтом автором статьи.

²⁰ Л. Рускин, *Рассказы об Италии...*, л. 1.

²¹ Brigantaggio (итал.).

²² Л. Рускин, *Рассказы об Италии...*, л. 1.

²³ Там же, л. 3.

кажутся менее мрачными, а темные, хмурые тона в путевых зарисовках сменяются более светлыми. Фирсов так описывает Тосканскую Маремму, которая следует после Пинских болот: «Большую часть это тоже пустыня, тоже болота, но встречаются поля, принадлежащие крупным землевладельцам, и ярко зеленые, не взирая на зиму, пастбища»²⁴.

По дороге на восток в столицу Тосканы («к ея столице — городу Флоренции»²⁵) после древнего города Орбетелло пейзаж оживает: «Необъятная равнина, едва местами всколыхнутая последними холмами тосканских Апеннин приветливо зеленеет, зеленеет и искрится словно вся она посыпана изумрудами. Она манит к себе и пастбищами, и полями»²⁶. Здесь люди уже гармонично вписываются в окружающее пространство:

Пастухи, старики, или миловидные курчавые пареньки с накинутыми живописно на плечи овечьими шкурами. Слышатся звуки незатейливой песни, или волынки. Слушая эти песни, вам начинает сдаваться, что здесь все наслаждаются жизнью и довольством²⁷.

Знаменитый южный вопрос²⁸ не называется автором, однако уже по тому, как описывается «настоящая Тоскана», очевидно отставание южных, угрюмых регионов Италии: в болотистой местности насажены деревья «эвкалиптусы», которые спасают от лихорадки.

Кой-где виднеются небольшие, но довольно благоустроенные крестьянские хозяйства, окруженные высокими стогами соломы. Около них крохотные, заботливо возделанные поля. Над ним щебечут воробьи, носятся стаи чернокрылых воронов. Это хороший признак, потому что **к настоящей Маремме «и птица не летит»**²⁹.

Последним городом, который описывает Н. Н. Фирсов в 3-й части *Рассказов об Италии*, является Венеция, город-сказка: «Венеция не город. Это мечта, видение, всплывшее над волнами поэтической Адриатики»³⁰. Описания Венеции образны, свой восторг автор передает через:

²⁴ Там же, л. 2.

²⁵ Там же, л. 3.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, л. 2.

²⁸ *Questione meridionale* (итал.).

²⁹ Л. Рускин, *Рассказы об Италии...*, л. 3–4.

³⁰ Там же, л. 63.

- эпитеты («поэтическая Адриатика», «прозрачный пар», «веселая венецианская суета»), в том числе постоянные эпитеты («седая старина», «горячее солнце», «небесная лазурь»)³¹;
- сравнения: при приближении к Венеции поезд, отражаясь в воде, уподобляется **«сказочному змею, изрыгающему пламя»**; гондола напоминает автору **«черный гроб»**: «крышка ее по ребрам иногда обита узкими вырезками черного сукна; ни дать, ни взять, как **лютеранские гробы**»; «полоски белого мрамора — как **нити Ариадны**»³²;
- метафоры (сама Венеция названа **«царицей Адриатики»**; дворцы — «эти **старцы**, — [иным скоро 1000 лет стукнет; а многие и **младшие братья** перевалили за пять сотен] не взирая на множество **пережитых** ими приключений; на жизнь то веселую до распутности, то одинокую обреченную, стоят и теперь»)³³.

Следует отметить, что рукопись содержит много интересных исторических фактов, часто неизвестных русскому читателю. Например, гондолы, являющиеся символом Венеции, окрашены в черный цвет «согласно закону, изданному еще в XVI в.»³⁴. Стоит еще раз напомнить, с какой вероятной целью писались эти очерки: описать новую страну, чья идентичность находилась в стадии формирования, познакомить русского читателя не только с известными местами, но и с новыми маршрутами, снабженными интересными деталями.

Какой русский литератор не «смотрит на Европу сквозь „почву родной Обломовки”»³⁵, не ищет ее черты «в вечной параллели: „свое — чужое”, „знакомое — незнакомое”»³⁶. Вот и путешественник Фирсов находит «наших»:

Кстати, заметим, что в венецианской области, вблизи австрийской границы, живут около 80 000 наших соплеменников, чисто кровных славян. [...] Итальянские славяне это [...] авангард нашей расы на западе. Они сохранили [...] славянские обычаи, наименования местностей [...] (Напр<и-

³¹ Там же, л. 63–89.

³² Там же.

³³ Там же, л. 63–65.

³⁴ Там же, л. 64.

³⁵ О. М. Скибина, *Жанр путевого очерка на страницах периодики 80–90-х гг. XIX в.*, «Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика» 2009, № 6, с. 137.

³⁶ Там же.

мер,> Тарида (Таврида) [...]). Они, правда, приняли католическую веру, но с тем однако условием, чтобы часть богослужений совершалась на их родном языке. Язык же этот близкий к сербскому, совершенно понятен нам, русским. Италию они любят. Может [...] за то, что итальянец даже в самые суровые времена венецианской республики не посягал на их племенные особенности, на их язык, религию³⁷.

Автор продолжает искать «сходства»: «Гондольер стоит [...] за нашим сиденьем и гребет одним веслом — узкой лопатой, то направо, то налево, как у нас на челнах гребут»³⁸. А венецианский собор Сан Марко Фирсов именуется по-русски — собором Святого Марка: «[...] против дворца, как [...] декорация стоит Собор Св. Марка. Нас, русских, он словно переносит на родину. Столько в нем нашего византийского»³⁹. Остановимся подробнее на живописном авторском описании собора:

Широкая паперть над ним: десять полукруглых арок в два этажа: два ряда колонн (79 и 72) драгоценнейших мраморов и порфира. Все привезены с востока. Константинополь, Малой Азии, Палестины, Эллады. Мозаики наполняют арки; украшают наддверья; и лики, и фигуры святых на них такой же строгой простоты, как и в наших старых соборах. Среди всей этой гармоничной и строгой восточно-византийской пестроты несется над арками четверня бронзовых коней, которая почти 1000 лет тому назад украшала императорское ристалище в Константинополе. Массивные приземистые купола с крестами причудливо украшены шариками на оконечностях. И все это вместе как будто нам не чужое. И мозаики, и святые лики, и очертания арок и куполов. Все это напоминает и Киев, и Великий Новгород, и Владимир, и Москву, связанные древле-Византией с Венецией, с Сицилией и даже Римом. — Да и самая обширная, сурово строгая, но сложная внутренность собора переносит нашу мысль на Святую Русь⁴⁰.

В 1860–70-е годы в России многие следили за формированием нового государства, однако именно Фирсов должен был бы стать тем, кто показал бы новую Италию читателю начала XX века. С одной стороны, писатель через осязаемые образы, сострадание к простым людям, крестьянам, учителям, женщинам, объясняет последствия объединения страны. С другой стороны, очевидно, что Фирсову были не чужды веристские

³⁷ Л. Рускин, *Рассказы об Италии...*, л. 82–83.

³⁸ Там же, л. 64.

³⁹ Там же, л. 86.

⁴⁰ Там же.

темы, отношение к новой реальности. Одновременно с этим сочинения русского писателя лишены глубоко пессимизма, которым проникнуты многие произведения Дж. Верги, описывающие жизнь южного населения страны. Нельзя не отметить и находку Фирсова, благодаря которой читатель мог бы почувствовать духовную близость, связь с этой прекрасной страной. Вводимый нами в научный оборот фирсовский текст, в котором соединяются художественное описание и документальные факты, гармонично встраивается в литературную традицию и способен обогатить представления русского читателя об Италии.

Nikolai Nikolaevich Firsov's Unpublished Stories as a Mirror of a New United Italy

The article is dedicated to the unpublished collection of *Stories about Italy* by the writer Nikolai Firsov who belongs to the Russian emigrants in Italy of the nineteenth and twentieth centuries. The manuscript of the book is stored in the RGALI (Moscow). According to the plan of the writer, the collection should include travel notes, essays on the regions of the post-united Italy. The main objective of *the article* is to identify and *analyse* the dominant factors influencing the motivation of the direction of the route in Italy which is described in *Stories about Italy* and impact of Italian verismo on the representation of Italy, as well as the “southern question”. In the article, the differences between Verga's and Firsov's views are explained.